

С.Х. Головкина

Вологодский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕКСТОВ МАЛЫХ ЖАНРОВ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.И. БЕЛОВА

Статья содержит анализ структурных и стилистических особенностей использования писателем устойчивых формул устного народного поэтического творчества. Сопоставление различных паремий позволило сделать наблюдения над речью персонажей произведений В.И. Белова, их эмоциональным состоянием и ментальным восприятием мира.

В. Белов, язык и стиль писателя, лингвистическая поэтика, паремиология, пословица, поговорка.

Своеобразие языка и стиля писателя находит отражение в используемых автором стилистических средствах, способах их органичного включения в произведение, приемах преобразования устойчивых выражений русского народа в текстовом повествовании. Л.Г. Яцкевич в предисловии к Словарю «Народное слово в произведениях В.И. Белова» справедливо отмечает: «Народная культура русской речи на Русском Севере нашла глубокое и правдивое отражение в языке произведений Василия Ивановича Белова...» [6, с. 5]. Одним из ярких проявлений народной речи в произведениях писателя становятся паремии разного типа: пословицы, поговорки, присказки, присловья. Их значимость для формирования образов персонажей художественного текста, воссоздания картин быта, авторской оценки фактов и явлений описываемой действительности несомненна. Однако в отличие от фразеологизмов такие устойчивые формы высказываний не являлись пока предметом специального исследования.

Пословицы и поговорки, несмотря на их многообразие в плане синтаксическом и поэтическом, традиционно объединялись в общее обозначение разных по структуре и семантике устойчивых речевых формул. Тем не менее, чаще всего поговорками называют иносказательные словесные обороты, выражающие «незаконченные суждения» (например: *толочь воду в ступе, как снег на голову*). В.И. Даль определял поговорку следующим образом: «Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, заключения, применения, это одна первая половина пословицы» [3, с. 25]. Поговорка же имеет понятийную основу, легко поддается идентификации при помощи слов-синонимов (не баран начихал = не пустяк; *толочь воду в ступе* = о бессмысленном действии). Пословицами называют иносказательные предложения, которые, как указывает Г.Л. Пермяков [8, с. 8–9], формулируют «законченную мысль» и образуют «замкнутое целое» (например:

воду в ступе толочь – вода и будет). Это самый малый жанр народного устного творчества, вошедшая в речевой оборот форма изречения, укладывающаяся в одно грамматически и логически законченное предложение, нередко ритмизованное и подкрепленное рифмой [5, с. 75]. Пословица самостоятельна для отдельного функционирования. Поговорка же для функционирования должна быть включена в превосходящую ее речевую единицу, в составе которой и приобретает функциональный статус, характеризуя, освещая отдельные стороны предмета речи или чаще ситуации.

Суждение, представляемое пословицей, актуально для ряда эпох, является относительно постоянной величиной, при этом содержание пословицы обычно образно мотивировано. Обобщенное (приближающееся к символическому) значение пословицы существует как своего рода «закон, правило жизни, не ограниченное хронологически и пространственно» [10, с. 41]. При этом пословица (в отличие от поговорки) имеет отнесенность и к обобщенному лицу-деятелю («вселичный» характер – термин З.К. Тарланова).

Повествователь или персонажи повестей и рассказов В. Белова любое клишированное суждение обычно называют пословицей. «Бояться особо не боюсь. Только и пословица есть: свой язык хуже любого врага» [1, с. 179] (о несдержанности, болтливости); «В молодости все мы люди только до пояса» (Там же, с. 144) (о страсти, физическом влечении); «Как говорит пословица, один рот все делает: и плачет и смеется» (Там же, с. 431) (о выражении горя и веселья).

В произведениях Белова для яркой, образной характеристики человека, предмета или обстоятельств чаще используется поговорка (например, «Всю жизнь в своих полах путаюсь и выпутаться не могу. То ли полы длинные, то ли ноги кривы...» (Там же, с. 134), «Мне и жаль самого себя, и плакать противно, слезы перерос, до крепости не дорос» (Там же, с. 145) (о повзрослевшем, но неопытном юноше), «А ежели

будешь варзать, так вот тебе Бог, вот порог» [1, с. 170] («уходи прочь», «убирайся вон»), «Ну, ладно, это самое тело иструхнет в земле, земля родила, земля и обратно взяла» (Там же, с. 183) (о бренности, разложении тела)). Автор задействует как паремии, содержащие оппозиционные пары слов (*свой – враг, плакать – смеяться, перерос – не дорос, худо – добро*), так и устойчивые формулы, не содержащие сопоставленных компонентов. Антонимичные слова при этом служат не только для выражения контраста, но и с целью охвата, объединения различных проявлений состояния субъекта, отношения к предмету или событию, выражения неопределенности ситуации. Представленные в виде повествовательных или побудительных предложений, пословицы у Белова преимущественно включены в диалоги персонажей или повествование от 1 лица, имеют высокую степень обобщенности: «Бабы поставили самовар на обычное место, повздыхали и вышли, заперев избу тем же замком. – Пошла по белому свету... – Может, и не оставят крещеные. – *Одна голова не бедна, а бедна – так одна.* – Истинно. – Говорят, *от сумы да от тюрьмы не зарекайся*, – сказала Сурганиха... (Там же, с. 437).

Пословица или поговорка в текстах писателя становится метким обобщением опыта, характеристикой поступков, поведения человека в тех или иных конкретных (частных) ситуациях: например, раннего подъема деревенского жителя по утрам («Встанешь раньше, шагнешь дальше» (Там же, с. 35)), появления после упоминания о человеке («"На помин, как сноп на овин", – сказал Куров» (Там же, с. 51)), отсутствия денег («...без денег везде худенек, – а у меня три часа сроку» (Там же, с. 99), возможности/невозможности содержать семью («Семеро ребят и барина съедят» (Там же, с. 109)), проявления честности, порядочности («Только без совести жить – не жить» (Там же, с. 145), значимости профессии («"Не клин бы да не мох, так и плотник бы сдох", – сказал старик, вытесывая клин» (Там же, с. 156)).

Наблюдения показывают, что Белов использует преимущественно клише с прямой мотивировкой общего значения (смысл вытекает из значения всех или части составляющих устойчивое выражение компонентов). Преимущественно по структуре это простые предложения, чаще двусоставные (как полные, так и неполные), однако встречаются и односоставные конструкции («После солнышка только на дураков работают» (Там же, с. 148), «Вскоре я забыл про все свои неудачи. Нет худа без добра!» (Там же, с. 352)).

Можно отметить случаи трансформации устойчивой формулы в авторском варианте: «Иной раз думаешь, ладно сделал. Добром к человеку. – Ну? – А потом ты же и виноват. Как тут пословицу не вспомнишь: не делай людям добра – ругать не будут» (Там же, с. 158) – ср.: не делай добра, не получишь зла; «Только и пословица есть: свой язык хуже любого врага» (Там же, с. 183) – ср.: язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет. По-видимому, таким образом автор усиливает эффект воспроизведения персонажами паремии в обиходно-бытовом общении: как запомнил, как адаптировал, так и воспроизводит. В то же время преобразование «застывшей» устойчивой формулы служит оживлению клишированного

выражения, сообщает тексту личностное содержание. Подтверждением тому служит фрагмент из рассказа «Одна из тысячи»: «Ахмет говорит: "Как это у вас говорят. Утро вечера мудренее..." Он не знает продолжения пословицы и заканчивает: "Все сделаем как лучше. Вот увидите"» [1, с. 451]. Трансформация пословицы «Утро вечера мудренее – авось чего-нибудь надумаем» (т.е. 'отложим решение проблемы, не будем делать сгоряча') приводит к появлению в контексте произведения нового семантического оттенка ('новый день принесет удачу, все получится').

Пословицы в произведениях В.И. Белова могут использоваться как элемент языковой игры. При этом установка говорящего может быть разной. Так, например, в «Плотничьих рассказах, Олеша Смолин обыгрывает пословицу с целью создания комического эффекта: «Пошел, помню, в сельсовет за справкой на предмет личности, меня уже звали плотником в одно место... Так и так, хочу из колхоза на производство, вот договор. Мне Табаков и говорит: "Зачем тебе документы, ехать куда-то. Ведь только там хорошо, где нас нет". Вот-вот, думаю, я хочу туда, где вас нет... (Там же, с. 178). Столкновение аллегорического и прямого значения выражения создает противоречие, которое наполняет контекст иронией и выражает отношение рассказчика к ситуации. В другом случае языковая игра становится своеобразным намеком, что реальная история не просто единичный факт, забавный случай, а отражение опыта, позволяющего сделать выводы о возможных поступках чужих и своих. В рассказе «Утром в субботу» Иван Павлович Сиверков, рисуя поучительные картины из прошлой жизни (о солдате николаевского времени Харитоне Ивановиче, о прежнем барине из деревни и мужиках его проучивших), вдруг прерывает рассказ таким размышлением: «Вот есть такая книга: "Самое мудрое слово". Не читывал? – Нет. – А я-то ее в руках держал. Иван Павлович даже причмокнул с досады, дескать близко локоть, да не укусишь. – Держал, держал я эту книгу. Все в ней точно прописано, что есть и что будет. Может, она и сейчас где-то близко лежит. Да никто не знает где. – Библия, что ли? – Нет, не Библия, это другая, не Библия. Он вновь помолчал. И пристально поглядел на меня...» (Там же, с. 353).

Характерной чертой прозы В. Белова становятся авторские афористичные формулы, повторяющие ритмическую организацию, характерную для пословицы: «Стоит только топору влезть – и скотина в доме не будет водиться» (Там же, с. 149), «А толку нет, так в няньки иди» (Там же, с. 152), «...семья сам – восьмой, а работник один, да и то японским штыком проткнут» (Там же, с. 142), «Дадут справку, так дадут, а не дадут, так в рыло не попадут» (Там же, с. 85).

Близкими к пословицам и поговоркам можно считать так называемые «присловья». Г.Л. Пермяков относил к присловьям незамкнутые по структуре (с пропуском или местоименной заменой подлежащего) выражения поговорочного типа, имеющие прямую мотивировку [7]. Например, *молчит как стена; верен, что золото в огне; прост, как свинья, а лукав, как змея*. Присловье представляет собой высказывание, употребляемое с целью яркой и однозначной оценки предмета разговора, в отличие от фразеологизма, по-

словицы или поговорки не имеет метафорического или аллегорического содержания [2, с. 157–159]. «Выражение, вставляемое в речь для украшения, для создания комического эффекта» [9, с. 440]. В широком смысле в качестве синонимов могут использоваться слова «побасенка», «присказка», «присловка», «присловица», «присловьице», «прибаутка», «приговорка».

В.И. Даль довольно широко трактует понятие «присловье» как «короткую речь с отдельным смыслом, вставляемую в разговор» [4, с. 440]. При этом он не отграничивает присловья от пословиц или поговорок. Целый ряд выражений-присловий вошел и в Словарь пословиц и поговорок, составленный В.И. Далем [3]. Подобное включение вполне объяснимо, поскольку граница между такими паремическими выражениями не всегда четкая.

В отличие от пословицы, которая имеет высокую степень обобщения, связана с типичной, повторяющейся ситуацией и имеет аллегорический характер, присловье используется обычно в диалогической речи по принципу вопросно-ответного комплекса. Реплика-стимул одного из участников диалога (обычно это одно слово) дополняется шутивно-ироничной репликой-реакцией собеседника (присловьем). Например: Жарко – Жар костей не ломит; (люди) говорят – говорят, что кур доят; кто – дед Пехто, был – да весь вышел, был – да сплыл и т.п. Так в «Плотничьих рассказах» угрожающий батогом Олеше Смолину Козонков заявляет: «За оскорбление личности. По мелкому указу! – Указчик... – Олеша взялся за топор. – Такому указчику хрен за щеку» [1, с. 139].

В аксиологическом плане реплики представляют собой оппозицию: первая – констатация факта или утверждение, требующее подтверждения, поддержки («вот и гости»; «везет тебе»; «мне кажется»); вторая – оценочное суждение, опровергающее или дискредитирующее факт, противопоставленное ему («гости, от которых ноют кости»; «везет как утопленнику», «кажется – креститься надо»). В риторическом плане вторая реплика направлена на прекращение коммуникации и оставляет за говорящим «победу», «преимущество» в диалоге. Пример такой словесной перепалки находим у В.И. Белова в «Плотничьих рассказах»: «Мне вон дочка говорит: ты ведь умрешь от куревато! А я ей говорю: умру, так меньше вру» (Там же, с. 148). Таким образом, смысловым ядром присловья всегда становится вторая реплика, выражающая замечание иронического характера, однако оно не имеет обобщающего характера.

В повести «Привычное дело» в несколько трансформированном виде В. Белов включает в речь персонажей шутивно-иронические присловья, например, в речи пассажиров грузовика: «Пузотряси, а не грузотакси» (Там же, с. 77); «Да и баба у меня такая стала злая, не знаю, кто ее, такую сотону, и родил. – Теща и родила» (Там же) или в разговорах мужиков у правления колхоза: «Сидим ждем у моря погоды. – Возьми да походи. – Мне ходить нечего, я не начальство». Присловья дают своеобразную косвенную характеристику фактов и поведения персонажей.

Развернутые присловья в повести «Привычное дело» нередко используются для выражения эмоциональных оттенков неудовольствия, возмущения, разд-

ражения речью или поведением собеседника. Доярки, реагируя на реплику бригадира «Мне что, самому их поить, что ли?», отвечают ему: «А и попоишь, невелик барин! <...> Это тебе не наряды писать! Химическим карандашом» [1, с. 40]. Начальник милиции на уговоры председателя отпустить тракториста Мишку Петрова резко реагирует: «Николай Иванович! – Сорок лет Николай Иванович!» (Там же, с. 78). Возмущенный изъятием сена Митька кричит: «Вы это чего, дураки, что ли?» На что Евстоля с иронией отвечает сыну: «А ты у нас умник... В Ньюшкином-то сеннике кто три дни отсиживался?» (Там же, с. 82). Попытка журналиста выяснить у Евстоля, где найти бригадира, заканчивается ее ответом: «Я, батюшка, за бригадиром не бегаю. Не приставлена» (Там же, с. 44). Пытаясь «отбиться» от уговоров шурина ехать в город, Иван Африканович цепляется за его слова, что в городе они не будут сидеть сложа руки, а будут делать дела, и язвительно отвечает: «Это какие дела? Вроде таких, когда баб-то на ночь покупают?» (Там же, с. 85). Реагируя на слова о начальстве Митька зло отвечает Курову: «Мне Ваше начальство знаешь... Я его в гробу видел. В белых тапочках» (Там же, с. 72). Слова Мишки о возможности уехать в Воркуту к божату прерывает характеристика Дашки, обесценивающая Мишкино заявление: «Седе! Ездок выискался, так тебя и ждут в этой Воркуте!» (Там же, с. 89).

Присловье может быть реакцией не на слова собеседника, а на его действия, состояние или поведение (например, плач, смех, одевание, любопытство, безделье, неаккуратность, невыполнение просьбы и др.). Так в повести «Привычное дело» Мишка, реагируя на поведение старика Курова, говорит ему: «Три, Куров к носу, все пройдет!» (Там же, с. 57). Второй раз использует ту же реплику по отношению к Дрынову, который не доволен качеством Мишкиной работы в поле (Там же, с. 83). Присловье служит заменой необходимых собеседнику объяснений происшедшего, попыткой ухода от разговора на неприятную тему. Единственный выловленный Федором окунь длиной в 10 сантиметров вызывает у мужиков насмешки: «Ишь какой окунице. Наверное, без очереди клюнул» (Там же, с. 50). Вопрос Курова, возмущенного местом ежедневной ловли под его загородкой («А что, Федор, там не ревит моя-то рыба, не слыхал в Подозерках-то?»), тут же вызывает шутивный ответ-присловье, снимающий напряженность разговора: «Как, чудак, не ревит, голосом ревит» (Там же).

По-видимому, от присловья нужно отличать присказку (или приговорку) – повторяемое кем-либо выражение (например, «да чтоб тебя», «эх, шашки-деревяшки») либо по привычке, либо для выражения определенного эмоционального состояния. На протяжении всей повести «Привычное дело» частотными в употреблении присказками Ивана Африкановича становятся выражения «дело привычное», «а, шут с ним», «бес с ним», «ну и лешой». Торопясь в больницу к рожавшей жене, по дороге Дрынов приговаривает: «Ох, ты, беда какая, ох и беда!» (Там же, с. 19). Используют эмоционально-оценочные присказки и другие персонажи повести: Катерина и Ньюшка («унеси лешой», «неси леший»), бабка Евстоля («ой, беда, однако»), председатель колхоза («ну и черт с ним»),

Надежка («путаник, дак путаник и есть»), Дашка Путанка («к водяному», «к лешему»), Мишка («мне до лампочки»). Для выражения бессилия «достучаться» до собеседника в ситуации спора в «Плотницких рассказах» Олеша Смолин в разговоре с Авиниром Козонковым использует присказку «Вот опять за рыбу деньги» (синонимичную устойчивому выражению «опять двадцать пять» – «говорить одно и то же, повторять, настаивать на своем»: «Вот опять за рыбу деньги. Я против бедняков хоть слово сказал, которые работали?» [1, с. 187].

В отличие от фразеологизмов, которые в большом количестве представлены у Белова как в устойчивом (узальном) варианте, так и трансформированном, паремии не имеют столь широкого использования. Они ограничены спецификой повествования, типами повествовательных форм, разновидностью речи и своей народно-поэтической основой. Вот почему преимущественно включены в повествование от 1 лица, встречаются в диалогах, содержащих истории из жизни, описывающих детали быта, поведения и эмоционального состояния человека – деревенского жителя. Контексты, включающие пословицы, поговорки, приговорки (присловья), нередко ироничны, отражают своеобразную рефлексию по поводу типичных жиз-

ненных ситуаций, передают колорит народной речи, житейской мудрости.

Литература

1. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011.
2. Глухов, В. М. Присловье / В. М. Глухов // Русская речь. – 1985. – № 5. – С. 157–159.
3. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 3 томах / В. И. Даль. – Санкт-Петербург : ТОО «Диамант», 1996. – Т. 1.
4. Даль, В. И. Словарь русского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1983. – Т. 3.
5. Кравцов, Н. И. Русское устное народное творчество / Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин. – Москва : Высшая школа, 1977.
6. Народное слово в произведениях В. И. Белова : словарь / автор-составитель Л. Г. Яцкевич ; научный редактор Г. В. Судаков. – Вологда : ВИРО, 2004. – 214 с.
7. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремииологии / Г. Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1988. – 235 с.
8. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише / Г. Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1970. – 239 с.
9. Словарь русского языка : в 4 томах / под редакцией А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1987. – Т. 3.
10. Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1999. – 447 с.

S.H. Golovkina

FUNCTIONING OF SMALL GENRE FOLKLORE TEXTS IN THE WORKS BY V.I. BELOV

The article analyzes the structural and stylistic features of the writer's use of stable formulas of oral folk poetic creativity. The comparison of various paroemias made it possible to study the characters' speech in V.I. Belov's works, their emotional state and mental perception of the world.

V. Belov, linguistic poetics, paremiology, proverb, the writer's language and style.